

Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой

Мария Метлицкая

Деторождно,
двери закрываются

Москва
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии
и иллюстрация на переплете *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.
М54 Осторожно, двери закрываются / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-110073-5

Нам всегда кажется, что жизнь бесконечна и мы всё успеем. В том числе сказать близким, как они нам дороги, и раздать долги — не денежные, моральные.

Евгений Свиридов жил так, будто настоящая жизнь ждет его впереди, а сейчас — разминка, тренировка перед важным стартом. Неудачливый художник, он был уверен, что эмиграция — выход. Что на Западе его живопись непременно оценят. Но оказалось, что это не так.

И вот он после долгой разлуки приехал в Москву, где живут его дочь и бывшая жена. Он полон решимости сделать их жизнь лучше. Но оказалось, что любые двери рано или поздно закрываются.

Нужно ли стараться впрыгнуть в тронувшийся вагон?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110073-5

Осторожно, двери закрываются

Идиотское место. Суетливое, шумное, суматошное. Впрочем, сам выбрал, и нечего ворчать. Выбрал по памяти, станция метро «Парк культуры». Когда-то давно они встречались здесь шумной компанией — и айда в парк. Ну а там все тридцать три удовольствия: мороженое, газировка, каток, аттракционы. А если везло, то и чешское пиво. Впрочем, везло нечасто.

Правда, в парке было навалом шпаны. Задирали их нередко, но дрались тогда по-честному, до первой кровянки, без всякого беспредела. А здесь, у метро, в те давние годы вообще было тихо и благостно. А сейчас? Мама дорогая! Кошмар. Толпы людей сновали, едва не снося друг друга, текли бесконечные, бурлящие людские потоки. Сумасшедший город, нет, правда! Конечно, он слышал, что многое изменилось. Но чтобы так? Та, прежняя, его Москва осталась в далеких, сладких и мучительных воспоминаниях и казалась сейчас сказочно просторной и спокойной: полупустые улицы, пло-

щади, мосты, зеленые скверы. Все исчезло, как не было. Исчезла знаменитая купеческая московская умиротворенность, ее размеренность, благостность. Все исчезло. Другие улицы, другие здания, другой народ. Другой город.

«Нет больше моего города, — подумал Свиридов. — Да и меня в этом городе нет. Тогда, в те годы, я растворялся в нем, погружался в него безо всякой опаски, сладко предчувствуя радость встречи. И блаженно плыл в его запахах, в легком тополином пуху. Тогда я здесь был хозяином, смелым и щедрым. А сейчас я гость, а гости всегда робеют. Гость издалека, и, кажется, гость незваный. Растерянный гость, ошарашенный и пугливый».

Он закурил и стал пристально вглядываться в толпу. «Не узнаю, — стучала в висок тревога. — Не узнаю, и будет позор. Что такое фотографии? И потом, женщины способны кардинально меняться». Потом принялся себя успокаивать: «Не узнаю я, узнает она, а я прикинусь слепошарым старикашкой. Уж я-то не изменился за последние пару лет нашей переписки. По крайней мере, так хочется думать».

Господи боже, помоги! Женщины, молодые и не очень, торопливо проскакивали мимо, обтекая и задевая его. Красавицы! Нет, честное слово, красавицы — таких раньше не было. Какое-то новое племя, новое и незнакомое! Впрочем, это не новость — лучше и краше наших баб точно нет. Краше, ухоженнее и моднее. В любой точке мира он моментально узнавал бывших соотечествен-

ниц: всегда при марафете, непременно на каблучках — при чем тут комфорт, красота важнее, — одетых по самой последней миланской моде, увешанных бриллиантами. Но всегда их выдавали глаза. Вот удивительно — глаза оставались тревожными, беспокойными, будто эти немислимые красотки ждали подвоха. И еще одно — было такое ощущение, что они боятся выглядеть самозванками, случайно попавшими в райский мир. Да так и было: все они действительно немножко самозванки, не всегда с хорошими манерами, зато с напористостью и наглостью нуворишей, с неким презрением к местным жителям, к их традициям и привычкам. Они словно чувствовали, что их слегка опасаются, но при этом поглядывают на них с интересом, с которым разглядывают редких и незнакомых животных. Нет, никакого проявления неуважения не было — их прекрасно обслуживали в лучших ресторанах и бутиках, с трудом скрывали удивление, когда чеки превышали все разумные пределы. И все-таки был какой-то душок, был. Как будто вся вежливая обслуга знала происхождение этих шальных, безумных денег. Красоток не уважали, и они это чувствовали.

Конечно, были и другие. Те, кто накопил, не без труда насобирал на заграничные поездки. Испуганные, зашуганные, растерянные и потерянные, те тоже боялись: заблудиться, отстать от туристического автобуса, не купить дешево и красиво, не охватить все достопримечательности, не успеть нафотографировать, не привезти подарки родне.

Боялись, что глава семьи, муж и отец, переберет на ужине, сцепится с земляком или не отпустит за сувенирами. Они подсчитывали копейки, экономили на еде, старались наесться на завтраках и украдкой, оглядываясь, прихватывали со шведского стола парочку бутербродов в салфетке на перекус. Они не расслаблялись даже на отдыхе, но все равно были отчаянно прекрасны.

«Цветник, — подумал Свиридов. — Москва — это просто Эльдorado для любителей женского пола». Он усмехнулся и оглянулся в поисках урны. Асфальт был густо усыпан окурками. Меланхоличный таджик (или киргиз?) сгребал их метлой.

Все изменилось. У метро полно киосков с цветами, поражающими воображение. Такую роскошь он не видел нигде, даже, пожалуй, в Европе. Впрочем, есть и местные специалитеты — кошмарные синие розы и гвоздики, присыпанные серебряной пылью. Такого точно нет нигде. Эти ужасы годятся только на кладбищенский карнавал, брррр. Рядом палатки с жаровнями, на которых зазывно шкворчат румяные, загорелые сосиски. Из кофейни пахнет ванилью и кофе. И рядом развалы с диковинными заморскими фруктами. Чудеса, да и только!

Свиридов вспомнил, как здесь, у входа в метро, в те достопамятные времена по углам робко жались, пугливо оглядываясь, опасаясь строгих стражей порядка, бабульки с ромашками и астрами, с гранеными стаканчиками семечек. Заметив серую милицейскую форму, они тут же бросались

врассыпную. Да, букетик за пятьдесят копеек: «Бери, сынок, что робеешь? Утром срезала, из своего сада».

Вспомнил и передвижной лоток с пирожками, огромными, помятыми, блестящими от масла, с капустой и повидлом, по десять копеек и пять. Пирожки называли «здравствуй, гастрит». Но как было вкусно! Впрочем, в молодости все вкусно и все почти безопасно. И они, бесшашные и безбашенные, нахальные и бесстрашные, хомячили эти пирожки в три горла и были счастливы. Кто тогда думал о здоровье! К чему думать о том, что есть? Того, что есть, просто не замечаешь.

А красные автоматы с газировкой, стреляющей в нос острыми и колючими пузырьками? По копейке — простая, несладкая, и по три — с сиропом, грушевым, яблочным и любимым крем-сода.

Молодость и вечное счастье. Только в молодости бывает вечное, ежеминутное, непроходящее ощущение счастья. Утром ли, вечером — круглые сутки. Теперь все другое. Да и он другой. Такие дела.

Наконец он увидел ее, вернее, узнал. Растерянно оглядываясь по сторонам, она искала кого-то. Да не кого-то, его. Он замер. Хотел выкрикнуть ее имя, но слова застряли в горле. Откашлялся и все-таки тонким, петушиным голосом крикнул:

— Катя!

Получилось смешно и довольно противно. Она обернулась, сдвинула тонкие брови. Их взгляды

встретились, и она, чуть запнувшись, словно раздумывая, сделала неловкий шаг навстречу.

— Катя, — повторил он.

Расстояние между ними было ничтожным, всего-то в два метра, не больше. Два метра и — пропасть. Глубокая, куда больше, чем каньон Колка, на котором ему однажды посчастливилось побывать.

Свиридов подошел и остановился, вглядываясь в ее лицо.

— Ну здравствуй, девочка. — Он попытался ее обнять.

Катя чуть напряглась, покачнулась и отстранилась — чуть-чуть, но все же заметно. Напряглась ее тонкая спина, откинулась голова на высокой красивой шее, а руки бессильно повисли вдоль тела. Он отодвинулся, чтобы получше ее разглядеть. Она страшно смутилась, нахмурилась и опустила глаза.

Катя, Катюша, Катенька. Катенок. Его единственная дочь.

Была она худой, довольно высокой и складной. Бледное, без косметики лицо. Красивые крупные губы, чуть тронутые невидимым блеском. Большие серовато-зеленые глаза, тонкие светлые брови и вздернутый, с редкими конопушками нос. Волосы, гладко зачесанные, волосок к волоску, были затянуты в стандартный «балетный» пучок. Черное пальто-карандаш, сапоги без каблука, красный шарф и красные же перчатки.

Он все разглядел и моментально оценил — взгляд художника. Что поделаешь, все детали и мелочи видны сразу. «Хорошо, — подумал он. — Хорошо и со вкусом, с понятием, надо сказать. Все про себя знает и все понимает, про все свои достоинства и недостатки. Умница». Свои черты — высокие скулы, большой лоб и форму рта — он углядел сразу. От матери, его бывшей жены, дочери достались глаза крыжовенного цвета и бледная, тонкая полупрозрачная кожа. «Но мать куда проще, — с гордостью подумал он. — Наша порода. И моего тоже хватает. А как же! Папаша». Вот тут, на этом месте, следовало бы с сарказмом усмехнуться. «Папаша!» Да какой он папаша, ей-богу? Дочь оставил в нежном возрасте — Кате было четыре года, — и воспитал ее другой человек. Хороший, надо сказать, человек. Очень хороший, поклон ему и респект! Впрочем, кланяться некому. Витя Козлов, по кличке Рыжий, уже в могиле, увы. Да, приятель и последователь, наследовавший двух его женщин. Витя ушел совсем молодым, в сорок семь. Уходил мучительно долго. Бедный, бедный Витя! А Свиридов все равно бы слинял. Он был одержим этой идеей. И страшно почти не было — молодость. Но с Витей было спокойнее.

Он внимательно разглядывал свою дочь, и, кажется, она ему нравилась. Нет, точно нравилась, без всяких там «но». Катя смутилась под его пристальным взглядом, побледнела и отвела глаза.

— Ну, Катечка, что будем делать? Какие у нас, так сказать, варианты? Давай сначала пройдемся, а уж потом присядем! Идет?

Катя кивнула.

— Да, Кать, а давай на «ты», а?

Катя нахмурилась, пару секунд размышляла, но все же кивнула.

Пошли через Крымский мост, к Парку культуры. Шли молча, он искоса поглядывал на нее, она замечала и хмурилась. Походка у нее была балетная, носками врозь, спина прямая, голова чуть откинута назад. Вроде неяркая, а красавица. Или ему так кажется? Да, от Валентины много — и профиль, и редкие веснушки, и волосы. Только та явно крупнее и тяжелее, и это было всегда, с самой молодости. В его бывшей жене не было дочкиного изящества.

Молча дошли до парка, зашли внутрь.

— Ну вот, — улыбнулся Свиридов. — Свидание с молодостью. Нет, даже с юностью. Сюда мы бегали часто, раз в неделю уж точно! Летом аттракционы, если, конечно, была копейка, а уж зимой — зимой был каток! Тут заливали отличный каток. — Он посмотрел на дочь. — Знаешь об этом?

— И сейчас заливают, — отозвалась Катя.

— Катаешься? — Свиридов обрадовался диалогу.

— Нет, нам нельзя, это опасно. Вдруг травма?

— Ну да, это резонно.

Помолчали.

— И летом тут была красота! — оживился он. — Густые кусты сирени, тенистые закоулки, лесные тропинки. Я этот парк знал наизусть. Было где

спрятаться и нацеловаться! Ну и на лодочках, на озере! Знаешь, как романтично? А какое было мороженое! — Он улыбнулся. — Какое эскимо, какие стаканчики!

Катя кивнула на передвижной киоск:

— Да и сейчас этого навалом. Вон, посмотрите!

— О, — обрадовался он, — может, попробуем?

Дочь равнодушно пожала плечом.

С виду стаканчики с крем-брюле были точь-в-точь как прежде: та же вафелька, тот же теплый кремный цвет.

Погода благоприятствовала, отодвинулись тучи, и выглянуло солнце, клены шелестели золотистыми листьями, кусты багровели, а трава, ровный и четкий газон, оставалась зеленой.

— Красота, а? — Сев на лавочку, он блаженно прикрыл глаза. — Все как в той жизни.

Мороженое оказалось так себе, ни в какое сравнение. И он почему-то расстроился.

— Не то, совершенно не то. Подделка.

Катя равнодушно молчала.

— Или дело не в мороженом, а в нас самих? — продолжал он. — В детстве ведь и клубника слаще, и трава зеленее? Впрочем, трава здесь вполне зеленая. Но все равно красота, правда, Кать?

— Мне легче, — усмехнулась она. — Не с чем сравнивать.

— А ведь ты права! Сравнить всегда глупо, потому что часто сравнение не в нашу пользу. Верно, Катюш?

Катя молча пожала плечами.

* * *

Еще тогда, в самом конце восьмидесятых, Свиридов все решил.

Почему, думал он, почему им все можно, а остальным нет? Им можно вкусно жрать, сладко спать, носить красивые вещи, жить в просторных квартирах, расслабляться в закрытых санаториях, а не ютиться в приморских шанхаях? Иметь собственные закрытые пляжи? Почему им можно летать за границу, тратить валюту, лечиться в закрытых больницах и поликлиниках? Почему им и их семьям полагаются машины и личные водители? Государственные дачи с прислугой, повара и садовники? Спецстоловые, продуктовые заказы необъятных размеров и невиданного ассортимента, распределители и прочее, прочее? Чем заслужили они, эта элита, номенклатура, аппаратчики? Что они делают для страны, для народа, все эти старые, шамкающие маразматика, отчаянные фигляры и лгуны? Разве им известно, что такое очереди, в которых простой народ проводит большую часть жизни? Что они знают об обшарпанных больничных палатах с неистребимыми запахами мочи, хлорки и тухлой капусты? Разве они сталкивались с отвратительным хамством, вечным унижением на любом уровне, на любом — от поликлиники до железнодорожных касс, от кабинета начальника ЖЭКа до рабочей столовой, где нахамить может даже уборщица? А простые граждане терпят это везде и всю жизнь, от детского сада до кладбища,

где из скорбящей родни нагло вытягивают последние крохи.

Всюду взятки и блат. Лучшее знакомство — директор гастронома или обувного отдела, таким знакомством гордятся, как и дружбой с официантом, швейцаром и автослесарем.

Подмазать, задобрить, подмаслить, дать в лапу, сунуть в зубы, сунуть барашка в бумажке — всем и подряд: гаишнику, врачу, медсестре, администратору гостиницы, метрдотелю, театральному кассиру и кассиру в авиакассе. Почему все так уродливо, мерзко устроено, почему такая унижительная, несправедливая система?

Свиридов делился своими размышлениями с женой, Валей, та злилась:

— Ты не видишь ничего положительного! Оглянись!

— Вижу, — усмехался он. — Но отрицательное перекрывает все положительное. Тошнит от этого лицемерия.

— Антисоветчик! — шипела Валя. — Ты же враг в своем доме! Ты просто не умеешь договориться, поладить. Тебе проще фыркнуть, чем признаться в собственной несостоятельности. А те, кто умеет, имеют все.

Когда в программе «Международная панорама» рассказывали про «загнивающий капитализм» Свиридов жадно вглядывался в телеэкран, где мелькали небоскребы, зеркальные дороги, неоновые рекламы и блестящие, словно игрушечные, машины.